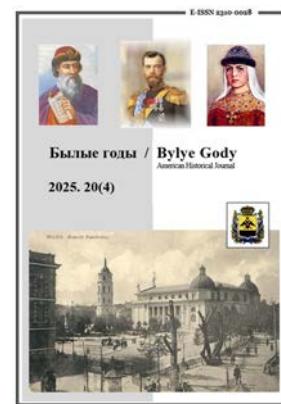

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 1897-1906
DOI: 10.13187/bg.2025.4.1897

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Tashkent in the Imperial Project of Russian Colonization of the Turkestan Region in the second half of the 19th – early 20th centuries: Discourse and Practices

Sadokat M. Matkarimova ^{a, *}, Saodat T. Davlatova ^{b, c}, Nafosat X. Botirova ^d, Gularam K. Masharipova ^e

^a Mamun University, Khiva, Uzbekistan

^b Committee on Interethnic Relations and Friendly Ties with Foreign Countries under the Ministry of Culture of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

^c Research Institute of Cultural Studies and Intangible Cultural Heritage under the Ministry of Culture of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

^d Urgench State University named after Abu Rayhan Beruni, Urgench, Uzbekistan

^e Alfraganus university, Tashkent, Uzbekistan

Abstract

The article, based on the materials of notes, essays, memoirs and reminiscences of Russian officials, publicists, writers, social and political figures, united by the 'frame' of imperial experts, reveals the content of discourse and ideas about the city of Tashkent as an outpost of Russian colonization of the Turkestan region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The method of discourse analysis allowed us to identify key patterns in experts' perceptions of the representation of Tashkent as a model of internal colonization of the eastern periphery of the empire. In the course of the study, it was established that the construction of the image of Tashkent as the imperial centre of the Turkestan region implied the fixation of the city's special military and administrative status in the personal texts of imperial experts, which was expressed in the massive 'occupation' narrative prevailing on the pages of published materials. In the publications of the second half of the 19th century, the intonation of the empire's militaristic presence and dominance in the region was clearly traced, and Tashkent was labelled as a Russian military facility with a predominance of the military population over the civilian population, which provided relatively comfortable conditions for the administration and broadcasting of imperial power as a transformative and culturalising force. In the early 20th century, the content of Tashkent's discourse and the understanding of the empire's practical plans in Central Asia underwent significant changes, which, according to experts, was due to the final 'pacification' of the periphery and gave rise to cultural initiatives of a Russification nature, and with them the promotion of the idea of Russian national conservatives about the need to promote such a variant of the development and "appropriation" of the east, in which cultural differences would be gradually erased and a 'large Russian nation' would be formed. In this regard, Tashkent was presented to imperial experts as a 'platform' for the processing, taking into account local conditions, of Russian culture by means of education and dissemination of domestic experience of farming, designed to sedentarise the nomads and establish sedentarisation of the remaining groups of the autochthonous population.

Keywords: Turkestan region, Tashkent, imperial colonization project, discourse, practices, imperial experts, internal colonization.

* Corresponding author

E-mail addresses: sadokatmatkarimova@yandex.ru (S.M. Matkarimova),
saodatdavlatova@gmail.com (S.T. Davlatova), nafosatbotirova90@gmail.com (N.X. Botirova),
masharipovagularam2006@gmail.com (G.K. Masharipova)

1. Введение

Внутренняя колонизация и присоединение к России новых территорий на востоке страны, в том числе и Центральной Азии, во второй половине XIX – начале XX в. являлись значимым для империи инструментом формирования и сохранения политической, социально-экономической, социокультурной идентичности, а также легитимации своей власти в масштабах обширного и дискретного пространства. Соглашаясь с выводом специалистов в сфере имперской истории, сообразно с которым историки, изучавшие Российское государство и общество как особый тип династической и территориально-протяженной империи, вынуждены были признать, что в её историческом опыте находилось место «западному» колониализму (особенно на Кавказе и в Туркестане) и приспособлению старых форм имперского режима к вызовам современности ([Герасимов и др., 2016; Эткинд, 2016; Джераси, 2013](#)), добавим, что наиболее рельефно элементы западных колониальных практик проявились в Туркестанском крае в создании системы прямого административного управления ([Мани, 2016: 164](#)), центром которой являлся город, соединявший имперские практики организации политического пространства с местной спецификой восточной периферии. В данном отношении крупные города региона, такие как, например, Ташкент, становились не только точкой сосредоточения военных, управлеченческих, культурных сил империи, но и местом встречи цивилизаций, в системе координат которого осуществлялось ментальное конструирование «собственного востока» России ([Тольц, 2013](#)).

Целью настоящей статьи является раскрытие содержания презентаций г. Ташкента в дискурсе имперских экспертов и имперских практик политico-культурной инкорпорации населения города как форпоста военно-административного закрепления России в регионе, в российский окраинный социум. Достижение цели связано с решением ряда частных задач: выявление имперского нарратива, его содержания и динамических характеристик в представлениях о Ташкенте учёных, чиновников, путешественников, посетивших Туркестанский край в период 1865–1914 гг. Хронологические параметры исследования определяются в нижней границе – взятием Ташкента корпусом генерал-лейтенанта М.Г. Черняева, верхний предел – 1914 г., ознаменовавший начало Первой мировой войны и снижение исследовательской активности центральной и региональной интеллигенции.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы статьи составили материалы имперских экспертов – непосредственных участников и очевидцев колонизационного дела в Туркестанском крае, оставивших многочисленные свидетельства формального (отчёты) и неформального (записки, очерки, воспоминания, дневники) характера о путешествиях в Центральную Азию с посещением г. Ташкента. Решение задач, связанных с логикой конструирования образа г. Ташкента и его функции в имперском проекте колонизации Туркестанского края, ориентировало авторский коллектив к использованию текстов, разнесённых во времени. Так, путевые заметки П.И. Пашино и корпус статей А.П. Хорошхина, относящиеся к раннему периоду политических и культурных коммуникаций Российской империи с социумом Туркестана и жителями Ташкента (1868–1876 гг.), позволили установить основные паттерны дискурса имперских экспертов о месте, роли и перспективах г. Ташкента в начальной фазе российского присутствия в регионе ([Пашино, 1868; Хорошхин, 1876](#)). Сведения, содержащиеся в текстах авторов второй половины XIX в., в полной мере соответствовали представлениям образованного сегмента российского общества об особой цивилизаторской миссии России в Центральной Азии и моральном превосходстве колонизаторов. Привлечённые материалы начала XX ст., в частности, путевые очерки В.П. Наливкина, Е. Маркова, А.И. Добросмыслова, В.П. Вощинина ([Наливкин, 1913; Марков, 1901; Добросмыслов, 1912; Вощинин, 1914](#)), дали авторам статьи основания говорить об определённой эволюции представлений общества имперских экспертов о функциях г. Ташкента в имперском проекте российской колонизации, что наглядно фиксировалось в активном обсуждении культуртрегерских практик в сфере образования и обустройства городского населения. Опора на личные тексты позволила выявить не только фактический материал, содержавший описание г. Ташкента в начальный период военной экспансии России в Центральной Азии, но и отрефлексировать эмоционально-экспрессивное восприятие сообществом имперских экспертов процессов культурной интеграции в системе координат городского пространства регионов, интегрируемых в общеимперское поле.

Достижение цели и решение поставленных задач предполагало оперирование в исследовании инструментальными возможностями метода дискурс-анализа ([Филлипс, Йоргенсен, 2008](#)), направленными на выявление ключевых паттернов, в которых фиксировались представления имперских экспертов о вариантах и наиболее эффективных способах «встраивания» имперской периферии в общегосударственное поле, что повлекло за собой выполнение ряда процедур: установление круга экспертов и их идентичности (авторы текстов); выявление «площадок» презентации представлений экспертов; определение содержательной составляющей дискурса г. Ташкента в контексте имперского проекта российской колонизации Туркестана.

3. Обсуждение

Тема презентации городов Центральной Азии как объектов колонизации и российского административного присутствия и управления достаточно полно исследована в отечественной историографии, в том числе и в аспекте конструирования образа Востока, в котором активное участие принимали современники событий: чиновники, публицисты, путешественники, общественные деятели. В силу того, что предметной областью статьи выступают представления о г. Ташкенте, репрезентируемые в текстах имперских экспертов, целесообразно сделать акцент на работах, охватывающих сферу историографической оценки восприятия Центральной Азии, Туркестанского края и его городов в личных текстах современников. Историографическая модель исследования образа региона как продукта представлений имперских экспертов была предложена Л.Г. Левтеевой в работе о присоединении Средней Азии к России по материалам мемуарных источников. Автором был привлечён к работе корпус воспоминаний широкого круга лиц: военных деятелей, чиновников, публицистов, в чьих мемуарах была отражена широкая палитра мнений о причинах, ходе и результатах имперской политики России в Туркестане ([Левтеева, 1986](#)). Данная модель получила развитие уже в современный период, когда в условиях становления «новой исторической науки» и обстоятельствах лингвистического поворота историки сместили внимание от описания событий к оценке состояний – дискурсов, нарративов и способов их репрезентаций. Так, например, в эпицентре исследовательской «оптики» Н.Г. Суворовой и Е.Р. Кадикова оказались колонизационные тексты имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в. Авторы, определяя информационную значимость колонизационных текстов, отметили наличие в таковых образов территории и населения, классификаций населения, интеграционных практик ([Суворова, Кадиков, 2015](#)). Образы Центральной Азии и г. Ташкента получили отражение в монографии С.Н. Абашина, в которой особое место уделено источникам личного происхождения. Обращение к таким источникам позволило автору не только раскрыть содержание имперской политики в Туркестанском крае, но и определить основные «площадки» и сценарии репрезентации крупных городов региона как форпостов российской колонизации в пореформенный период ([Абашин, 2016](#)). Также необходимо обратить внимание на факт привлечения авторами широкого спектра литературы путешествий (травелогов) к осмыслианию социального поведения местных сообществ с учётом их национального и конфессионального колорита ([Козинцев, Почекаев, 2022; Чуркин, 2022; Tokmurzayev et al., 2022](#)). Общим местом в модернизированной историографии первой четверти XXI в. можно считать объединение участников колонизационного дела в Туркестанском крае в категорию имперских экспертов и изменение исследовательской «оптики» от характеристики механизмов имперского управления в рамках городских агломераций к рецепции дискурса и практик российского доминирования в регионе, что открывает перспективы к уточнению и объяснению представлений образованного общества и власти о задачах империостроительства на востоке, сценариях культурной инкорпорации иностранных народов в российский социум.

4. Результаты

Процесс присоединения Туркестанского края к России во второй половине XIX в. и организации в регионе системы административно-политического управления и государственного влияния во многом осуществлялся по лекалам, сложившимся ещё в эпоху Московского централизованного государства. Японский историк К. Мацуцато, ссылаясь на исследования российских правоведов конца XIX – начала XX в. В. Ивановского и К. Соколова, в качестве характерной особенности российского государственного строительства отмечал стремление московских князей подчинять своему непосредственному руководству в деле управления отдельные города и мелкие области, сосредотачивая таким путём все нити управления в центре ([Мацуцато, 2004: 436](#)). При этом эффект централизма усиливался в связи с предоставлением генерал-губернаторам периферийных регионов широких полномочий в реализации управленческих практик. Осознание имперской властью финансовой невозможности и правовой ограниченности организации управления на отдалённых окраинах отлилось в установление харизматической модели администрирования, в которой главными фигурами становилось высшее имперское чиновничество, обладавшее особыми полномочиями и локализованное в крупных городах. Своеобразным девизом персонифицированной власти на восточных окраинах России являлось известное изречение М.С. Воронцова: «Если бы нужно было здесь исполнение законов, то государь не меня бы прислал, а свод законов!» ([Захарова, 2001: 336](#)).

В системе координат формировавшейся в Туркестанском крае харизматической модели властевования значимую функцию должны были выполнить города, в особенности – Ташкент, как территория концентрации управленческих полномочий и культурной политики империи в Центральной Азии. В этой связи перед многочисленными имперскими экспертами – представителями науки, общественными и государственными деятелями – стояла задача конструирования такого образа столичного города, который бы соответствовал своему имперскому назначению, объяснял и оправдывал факт российского присутствия в Туркестанском крае, а также существующие практики реализации политики населения в периферийном регионе.

Дискурс г. Ташкента как органичной части имперского проекта российской колонизации Туркестана во второй половине XIX – начала XX в. строился на основании нескольких паттернов, фиксировавших представления политических элит о возможных и эффективных стратегиях и практиках встраивания периферии в общеимперское пространство.

Центральным элементом дискурса г. Ташкента выступал паттерн имперского доминирования, реализуемый в риторике тотального военного и политико-административного присутствия Российской империи в границах городского пространства. В рецепции имперских экспертов российское доминирование в регионе отсчитывается от образования Туркестанского генерал-губернаторства (11 июля 1867 г.) и приобретения Ташкентом статуса «резиденции главных начальников края и местопребывания высших военных, административных, судебных, учебных, финансовых учреждений» ([Добросмыслов, 1912: 61](#)). А.И. Добросмылов, обращаясь в своих очерках к главным вехам истории русского Туркестана, растущее значение Ташкента нераздельно связывал с деятельностью генерал-губернаторской власти, персонифицированной в лице А.П. фон Кауфмана ([Добросмылов, 1912: 61](#)). Главный администратор края предстаёт в его тексте как источник права и управлеченческих полномочий, что рассматривалось в качестве альтернативы власти «деспотических беков, ...попиравших всяческие божеские и человеческие законы» ([Добросмылов, 1912: 62](#)); «...на долю первого начальника выпало вступить в управление краем, которому не дано было ни законов, ни какого либо административного устройства» ([Добросмылов, 1912: 61](#)).

В путевых заметках П.И. Пашино, посетившего г. Ташкент незадолго до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства в 1866 г., регулярно встречаются упоминания о большом числе лиц военного звания на улицах города, и в этом калейдоскопе - офицеры с сопровождавшими их казаками, солдаты в белых рубахах, красноватых штанах и кепи, часовые, гауптвахты, казармы ([Пашино, 1868: 93](#)). Делясь с читателями первыми впечатлениями о въезде в Ташкент, П.И. Пашино пишет о чувстве уверенности и безопасности, когда казаки обеспечивают свободный проезд его экипажу, а выкрики местных мальчишек «урус – хурус (петух)» автор сопровождает язвительным замечанием: «Да, русские задали вам с 600-ми штыков такого петуха, которого вы никогда не забудете...» ([Пашино, 1868: 90](#)).

Отметим, что в представлениях имперских экспертов, конструирующих образ г. Ташкента, нарратив военного и административного превосходства как гарантии стабильности власти и безопасности русского населения оставался неизменным и в последующие годы. Писатель Е. Марков, совершивший на рубеже XIX – XX вв. путешествие по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге, в описании г. Ташкента неустанно восхищался «...яркой белизной белых рубашек на беспрерывно снующих по улицам солдатиках и их ярких, как кровь, шароварах из козьей замши», замечая попутно, что «...солдат тут нужен всем и на каждом шагу. Он и защищает, он и устраивает, он и цивилизует... А что такое солдат в каком-нибудь Курске или в Щиграх? Кому и на что он нужен в обычное, мирное время?» ([Марков, 1901: 467](#)). В материалах, опубликованных Е. Марковым в 1901 г., в яркой эмоциональной форме выражены представления имперских экспертов о военно-административном доминировании как единственно возможном сценарии владычества России в Туркестанском крае: «Только прочным насаждением здесь русской силы мы можем надеяться прочно держать в руках своих этот мусульманский край, населённый исстари враждебными нам народами» ([Марков, 1901: 507](#)). В свидетельствах писателя обращает на себя внимание способ презентации власти военного губернатора, имеющей особый надзаконный статус, обладающей военной мощью и чувством территориально-культурной дистанции по отношению к подданным. Е. Марков в одном из эссе, вошедшем в книгу, даёт детальное описание жилища (дачи) военного губернатора Н.И. Гродекова, которое располагалось на окраине г. Ташкента в «прекрасном тенистом парке... с роскошным видом... с обширной террасы на окрестности» ([Марков, 1901: 506](#)). Далее писатель сообщает: «Терраса эта, устланная восточными коврами и уставленная восточными диванами, украшена и неизбежным туркестанским украшением – чучелами огромных тигров. Но это не какие-нибудь отвлечённые тигры, купленные для эффектной обстановки в меховом магазине. Нет, это тоже своего рода представители местного населения, туземцы и местные соседи. Одного из них русские мужички-переселенцы убили в селенье Троицком, верстах в 30 от Ташкента» ([Марков, 1901: 506](#)).

Символическое соединение военного и административного в приведённом выше фрагменте записок Е. Маркова усиливается в тексте минимализацией значения гражданского сегмента ташкентского социума. По констатации писателя, «фигура штатского положительно выделяется каким-то неуклюжим пятном, каким-то резким диссонансом среди сплошного моря военных форм, военных учреждений, военного люда, дающих городу его характерную физиономию» ([Марков, 1901: 467](#)).

В 1910-х гг. общая интонация дискурса военно-административного доминирования России в строительстве образа г. Ташкента начинает претерпевать некоторые метаморфозы, смешаясь в сферу презентации результатов российского присутствия. В текстах имперских экспертов начинают широко тиражироваться такие фразеологические обороты, как «русский Ташкент» ([Марков, 1901: 467](#)), «новый Ташкент» ([Вощинин, 1914: 11](#)), «превращающийся из Иерусалима или другого

библейского города – в русский город» ([Хорошхин, 1876: 81](#)). Чиновник Переселенческого управления, географ и статистик В.П. Вощинин, выделяя содержательные элементы образа г. Ташкента в первое десятилетие XX в., фиксировал смещение акцентов городской жизни от милитаризма к гражданскому состоянию: «Новый Ташкент – это Ташкент русский, с дворцом генерал-губернатора, собором, домиком Черняева, памятником Кауфману, огромными магазинами, театрами, кинематографом “Хива”» ([Вощинин, 1914: 11](#)). Вместе с тем В.П. Вощинин полагал, что «новый Ташкент» – это «только утро новой туркестанской действительности» ([Вощинин, 1914: 86](#)), а условием дальнейшего развития Туркестанского края и Ташкента станет преобразование этого места из страны «белых рубах, славных войск – покорителей края... – в страну “картузов” и “смушковых шапок”» ([Вощинин, 1914: 86](#)).

Наряду с паттерном военного и административного преобладания, дискурс г. Ташкента транслировал линию культурной интеграции коренного населения и внедрения начал гражданственности в региональном социуме. Общим мотивом в презентациях г. Ташкента имперскими экспертами являлся тезис о необходимости распространения русского образования и хозяйственно-экономических практик как инструментов русификации. Конструирование образа Туркестана в целом и г. Ташкента, в частности, осуществлялось авторами в контексте противопоставления передовой русской культуры нецивилизованным моделям поведения автохтонного населения. Представления о примитивности культуры населения тиражировались в российском общественном мнении и в стилизованном литературном виде «выливались» на страницы очерков, заметок, травелогов имперских экспертов, в которых пространства Центральной Азии преподносились как «опасные гнёзда дикости и азиатского варварства» ([Марков, 1901: IX](#)). П.И. Пашино, предваряя свои заметки о путешествии в Туркестанский край, детально перечислял наставления, которыми снабжали его «знающие» люди, бывавшие в Туркестане: «...там ни уголька, ни лучины..., спичек не найдёте..., азиаты не умеют управляться с экипажами..., хлеба во всю жизнь в глаза не видали...» ([Пашино, 1868: 2-3](#)). Апофеозом предубеждений, сложившихся среди образованных россиян, можно назвать такое пожелание и предупреждение путешественнику: «А нагайку взяли?... Нет? Ну поздравляю! Пеняйте на себя – без рук воротитесь...» ([Пашино, 1868: 3](#)). Разумеется, автор воспринимал такие советы иронически, однако, прибыв в Ташкент, в высказываниях своих соотечественников нередко отмечал устоявшиеся гетеростереотипы в восприятии чужой культуры. Так, степной пристав, в частной беседе с П.И. Пашино, не согласился с распространённым негативным мнением об инородцах Туркестана, отметив, что этот народ «до геройства честный, самолюбивый, ребячески наивный и забитый, вследствие постоянных смут в степи» ([Пашино, 1868: 4](#)). Вместе с тем в монологе чиновника встречается фраза, вызвавшая заинтересованность и согласие автора. Общааясь с киргизом, степной пристав говорит: «Тебе непростительно в грязи жить: ты же джатак (оседлый)!» и уже обращаясь к П.И. Пашино: «С этими джатаками ничего не поделаешь. Выстроишь им избу, дашь лошадь, корову; поле вспашешь за него и посеешь, казалось бы, живи – не хочу, а он, злодей, продаст тихомолком хлеб на корню, да купит себе юрту, расставит её на гумне, да и свистит целую зиму в кулак» ([Пашино, 1868: 4](#)).

Нельзя не отметить тот факт, согласно с которому авторы травелогов, заметок и очерков критически воспринимали шаблонные оценки «другого» в высказываниях «своих». Так, проживший долгие годы в Туркестане и занимавший высокие чиновные должности по военному ведомству А.П. Хорошхин прямо указывал «на заблуждения и преувеличения в рассказах досужих господ, с пылким воображением, побывавших в Туркестанском kraе...» ([Хорошхин, 1876: 1](#)). Вместе с тем имперские эксперты в целом проявляли коммуникативное согласие в вопросе о необходимости культурного выравнивания и реализации культуртрегерских практик в отношении инородческого населения. Ташкент, как «место встречи» и активной коммуникации «человека власти и культуры» с «колониальным субальтерном», маркировался ими как территория воплощения имперских представлений о путях и средствах преобразования инородческого мира в русский.

Главным препятствием к осуществлению данного процесса эксперты согласованно называли значительное влияние мусульманского духовенства – мусл и ишанов – на коренное население, что препятствовало культурной интеграции инородцев. П.И. Пашино определял это влияние как «громадное» и констатировал, что «нужны столетия, чтобы его искоренить, так как образование городские жители Ташкента получают через духовных лиц, и 85 % людей, благодаря духовенству, грамотны и наслушались бездну проповедей о превосходстве ислама над всеми другими религиями и о неверянии к неверным» ([Пашино, 1868: 165](#)).

Единственным эффективным методом выхода из сложившейся ситуации в условиях раннего периода российского администрирования в Туркестанском kraе эксперт видел в насаждении русского языка в среде высшего мусульманского духовенства, которому транслировал обязанность сдавать экзамен на знание русского языка, рассматривая его как самое надёжное средство контроля за деятельность лиц духовного звания ([Пашино, 1868: 165](#)).

По мере распространения в регионе российских административно-управленческих практик и эскалации русского присутствия на рубеже XIX – XX вв. менялась «оптика» представлений о культурно-просветительском инструментарии России в Туркестане и отдельных его городах.

По мнению Е. Маркова, в этот период происходит становление «русского Ташкента», который «стремительно наполнялся представителями самых разнообразных профессий: крупными администраторами, полицейскими чиновниками, военно-учёным элементом, педагогами, техниками, торговыми людьми и даже некоторыми из интересных туземцев...» (Марков, 1901: 492). Е. Марков пришёл к выводу о формировании в городе совершенно новой культурной среды «знающих, развитых, деятельных и вполне порядочных людей», совершенно не соответствующих образу «господ ташкентцев», широко распространённому в российской либеральной публицистике (Марков, 1901: 492). Предметом особого внимания писателя стала русская гимназия, возглавляемая известным русским педагогом и общественным деятелем Н.П. Остроумовым, среди 250 учеников которой чисились представители коренного населения – сарты и киргизы. Отмечая учебные успехи инородцев, Е. Марков пришёл к выводу: «Если бы серьёзно приняться в этом направлении за всех вообще туземцев наших, не долго бы они оставались нам чужими по вкусам и взглядам. Школа – изумительный реформатор и способна быстро переродить какой угодно народ, если только начнёт влиять на него с самого детства» (Марков, 1901: 502).

В широком смысле паттерн русского культурного доминирования в откровенно европоцентристском ключе был артикулирован в 1910–1911 гг. В.П. Вощинином: «...По мере того, как живительные лучи Русского солнца всё глубже проникают в недра туземного края, и светом европейской культуры всё сильнее озаряется старая Азия, - смягчаются контрасты последней, и исчезают самые мрачные тени» (Вощинин, 1914: 86). В.П. Вощинин, отмечая в своих заметках приметы новизны в устройстве и структурах повседневности г. Ташкента, подчёркивал своеобразное культурно-территориальное «расслоение» пространства города на туземную и русскую части, «новые» и «старые» кварталы (Вощинин, 1914: 11). Чиновник обращал внимание на то, что подобная культурная демаркация, сложившаяся в городской системе координат, транслировалась и «на полях туркестанских, ...где начинает селиться русский народ, а с ним вместе, медленно, но, кажется, верно, в толще незапамятных туземных предрассудков начинает проникать и культура русская» (Вощинин, 1914: 11-12). Развивая данную мысль, В.П. Вощинин пришёл к важному выводу об олицетворении г. Ташкентом права Туркестана на современную жизнь, осуществить которое можно лишь объединением энергичных русских людей, «хороших рабочих сил и огромных материальных средств» (Вощинин, 1914: 86), что способствовало дальнейшей эскалации дискурса русского культуртрегерства за счёт обсуждения широкого круга вопросов народно-хозяйственного спектра.

Так, в текстах имперских экспертов первого десятилетия ХХ в., на первый план постепенно вышли сюжеты, связанные с организацией русского культурного влияния средствами крестьянских переселений и распространения зернового земледелия и хлопководства в Туркестанском крае как инструментами российского влияния.

На рубеже XIX–XX вв. в текстах имперских экспертов нарратив Ташкента как русского города, выполнявшего функцию центра российского культурного влияния, препрезентировался в рамках общей логики колонизационного дела. В своих свидетельствах авторы наглядно формулировали преемственность военного завоевания края, его административного обустройства и хозяйственно-экономического освоения. В.В. Наливкин, в частности, писал: «Появление в крае русских войск, чиновников и торговцев, ничего материально не производивших, и вместе с тем привыкших к удовлетворению... относительно широких потребностей, ...предъявлявших требования на значительные количества разного рода сельскохозяйственных продуктов..., сразу же дало сильный толчок многим отраслям туземного сельского хозяйства, лесоводства, садоводства и виноградарства» (Наливкин, 1913: 89).

Правительственные чиновники В.П. Вощинин и А.А. Татищев, рецептирующие г. Ташкент как центр организации переселенческого дела и распространения российского культурного влияния средствами аграрных миграций из европейской части страны, в своих заметках и воспоминаниях значительное внимание уделили вопросам административной организации, интеллектуально-технической поддержки и совершенствования земледельческих практик в Туркестанском крае. Показательно, что в отличие от презентаций г. Ташкента второй половины XIX в. как военно-административного города, призванного выполнить задачу закрепления России в Туркестане, сопровождаемых подробным описанием коренного населения и его экзотизацией, тексты имперских экспертов начала XX ст. приобретают сугубо прагматическое содержание. Командированный в Туркестан по делам крестьянских переселений чиновник Министерства государственных имуществ А.А. Татищев в своей оценке городов предельно лаконичен: «Обычные туземные города с домами, окружёнными земляными стенами...» (Татищев, 2001: 91). Своё посещение Ташкента он объясняет исключительно с практических позиций: «Пришлось ненадолго остановиться, но не экзотики ради, а надеясь обсудить производственные проблемы с начальником Туркестанского управления А.В. Успенским» (Татищев, 2001: 91-92).

На первый план в текстах чиновников, занявших основную нишу в корпусе конструирующих образ «нового Ташкента», вышли сюжеты, связанные как с отдельными феноменами русского участия в аграрной колонизации региона, так и содержащие системные представления и оценки перспектив культурной интеграции Туркестана в состав России. Например, в заметках и

воспоминаниях местных организаторов и участников переселенческого дела повсеместными являлись свидетельства об опыте орошения Голодной степи, начатого по инициативе великого князя Николая Константиновича и продолженного специальными имперскими учреждениями, которые базировались в Ташкенте (Татищев, 2001: 92; Вощинин, 1914: 82-83).

В.П. Вощинин, говоря о влиянии русского элемента в области аграрной деятельности, писал: «Настоящий переселенец, помолясь жарко Богу, ...принимается за плуг и лопату..., а через год или два – прежний кочевник-киргиз засевает уже поле пшеницей, а сарт – представитель тысячелетней первобытной туземной хлопковой культуры – вдруг приобретает машины...» (Вощинин, 1914: 79). Такие осознанные изменения направили автора к мысли о значительном культурном потенциале русского народа и привели к убеждению, что «...русский народ разовьёт производительные силы богатейшего Туркестанского края, и заставит сверкать этот новый бриллиант среди других русских ценностей» (Вощинин, 1914: 77).

А.А. Татищев свою командировку в г. Ташкент и деятельность в должности начальника Управления земледелия описывал менее пафосно, акцентируя внимание на организационных моментах деятельности департамента. Тем не менее и он, посредством артикуляции практических целей империи, косвенно продвигал паттерн русского культурного доминирования, говоря о необходимости «увеличения доходов казны, ...считаясь с особыми условиями жизни местного населения» и спецификой Ташкента, его «туземной» и «русской» частей, являвшихся моделью для понимания аграрной специфики целого региона и первенствующей роли в колонизации российского элемента (Татищев, 2001: 145-162).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в ситуации активного продвижения Российской империи к восточным окраинам, распространения в Центральной Азии русской оседлости и эскалации зоны хозяйственного освоения территорий Туркестанского края, происходило и ментальное приобретение региона, представленное в дискурсе городов, в том числе – Ташкента.

В качестве основных положений и прогнозируемых сценариев «присвоения» нового региона в дискурсе г. Ташкента выступали паттерны военно-административного присутствия Российской империи в Туркестане и русского культурного доминирования средствами образования и распространения земледельческих практик. Необходимо отметить, что в дискурсе имперских экспертов второй половины XIX в. «оккупационный» мотив, выражавшийся в повсеместных описаниях военной мощи России в границах ташкентского гарнизона, являлся своеобразной эманацией морального превосходства и оправданности экспансиионистской политики империи. Тотальное преобладание лиц военного звания над гражданским населением г. Ташкента позиционировалось в текстах чиновников, публицистов, общественных деятелей как необходимое условие для эффективного и безопасного администрирования в Туркестанском крае.

В конце XIX – начале XX ст. интонация дискурса и предполагаемых практик «дрейфуют» в направлении русского культуртрегерства, предполагающего распространение российских образовательных институтов и аграрных практик, призванных расширить горизонты имперского влияния, сформулировать сценарии формирования в регионе «большой русской нации».

Литература

- Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.
- Вощинин, 1914 – Вощинин В.П. Очерки нового Туркестана. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.
- Герасимов и др., 2010 – Герасимов И., Могильнер М., Семёнов А. В поисках ясности в исторической природе национализма и империи. Миры и заблуждения в изучении истории национализма: сборник научных статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 7-27.
- Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
- Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Тип. О.А. Порцева, 1912. 520 с.
- Захарова, 2001 – Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. М., 2001. 336 с.
- Козинцев, Почекаев, 2022 – Козинцев М.А., Почекаев Р.Ю. «Заметки туриста» Ш.М. Ибрагимова как источник по истории и географии Туркестанского края // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2 (49). С. 86-98.
- Левтеева, 1986 – Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986. 144 с.
- Мани, 2016 – Мани М. Тёмная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М.: «Пятый Рим», 2016. 928 с.

Марков, 1901 – Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандинской, Ташкентской и Ферганской областям и Каспийскому морю и Волге. Т.1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 541 с.

Мацузато, 2004 – Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу. Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследований Национализма и Империи», 2004. 652 с.

Наливкин, 1913 – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. Турк. т-ва печатного дела, 1913. 144 с.

Пашин, 1868 – Пашин П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Тип. Теблена, 1868. 176 с.

Суворова, Кадиков, 2015 – Суворова Н.Г., Кадиков Э.Р. Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 174-193.

Татищев, 2001 – Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Филлипс, Йоргенсен, 2008 – Phillips N., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

Хорошхин, 1876 – Хорошхин А.П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. 531 с.

Чуркин, 2022 – Чуркин М.К. Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в путеводителях русских путешественников первой половины XIX в. / Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Мат-лы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019). Барнаул: БЮИМВД, 2022. С. 68-73.

Эткинд, 2016 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Tokmurzayev et al., 2022 – Tokmurzayev B.S., Yelshibayev S.K., Apasheva S.N. The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century // Bylye Gody. 2022. 17(2): 666-676.

References

Abashin, 2016 – Abashin, S.N. (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentah [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. M.: Kuchkovo pole, 880 p. [in Russian]

Churkin, 2022 – Churkin, M.K. (2022). Reprezentacii vlasti i obshchestva Kokandskogo hanstva v travelogah russkih puteshestvennikov pervoj poloviny XIX v. [Representations of power and society of the Kokand Khanate in travelogues of Russian travellers of the first half of the nineteenth century]. Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednyh i pravovyh issledovanij: Mat-ly vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Starceva (1956–2019). Barnaul: BYUIMVD. Pp. 68-73. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1912 – Dobrosmyslov, A.I. (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskij ocherk [Tashkent in the past and present. Historical sketch]. Tashkent: Tip. O.A. Portseva. 520 p. [in Russian]

Dzherasi, 2013 – Dzherasi, R. (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, orientalism, nation and religion in Russia]. M., 548 p. [in Russian]

Etkind, 2016 – Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]

Fillips, Iorgensen, 2008 – Fillips, N., Iorgensen, M. (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]

Gerasimov i dr., 2010 – Gerasimov, I., Mogil'ner, M., Semyonov, A. (2010). V poiskah yasnosti v istoricheskoj prirode nacionalizma i imperii [In search of clarity in the historical nature of nationalism and empire]. Mify i zabluzhdeniya v izuchenii istorii nacionalizma: sbornik nauchnyh statei. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 7-27. [in Russian]

Khoroshkhin, 1876 – Khoroshkhin, A.P. (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles concerning the Turkestan Krai]. SPb.: Tip. A. Transhelya, 531 p. [in Russian]

Kozintsev, Pochekaev, 2022 – Kozintsev M.A., Pochekaev R.Yu. (2022). «Zametki turista» Sh.M. Ibragimova kak istochnik po istorii i geografii Turkestanskogo kraja [“Notes of a tourist” by Sh.M. Ibragimov as a source on the history and geography of the Turkestan region]. Pis'mennye pamyatniki Vostoka. 2(49): 86-98. [in Russian]

[Levteeva, 1986](#) – Levteeva, L.G. (1986). Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii v memuarnykh istochnikakh (istoriografiya problemy) [The annexation of Central Asia to Russia in memoir sources (historiography of the problem)]. Tashkent: Fan, 144 p. [in Russian]

[Mann, 2016](#) – Mann, M. (2016). Tyomnaya storona demokratii. Ob"yasnenie etnicheskikh chistok [The dark side of democracy. Explaining ethnic cleansing]. M.: 'FifthRome', 928 p. [in Russian]

[Markov, 1901](#) – Markov, E. (1901). Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Buhare, Samarkandskoj, Tashkentskoj i Ferganskoy oblastyam i Kaspijskomu moryu i Volge [Sketches of a journey through Transcaucasia, Turkmenia, Bukhara, Samarkand, Tashkent and Fergana regions and the Caspian sea and Volga]. T. 1. SPb: Tip. M.M. Stasyulevicha, 541 p. [in Russian]

[Matsuzato, 2004](#) – Matsuzato, K. (2004). General-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sbornik statei (Biblioteka zhurnala "Ab Imperio") [Governor-Generalships in the Russian Empire: from ethnic to spatial approach]. Pod red. I.V. Gerasimova, S.V. Glebova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovanii Natsionalizma i Imperii», 652 p. [in Russian]

[Nalivkin, 1913](#) – Nalivkin, V.P. (1913). Tuzemtsy ran'she i teper' [The natives before and now]. Tashkent: Elektrich. tipo-lit. Turk. t-va pechatnogo dela, 144 p. [in Russian]

[Pashino, 1868](#) – Pashino, P.I. (1868). Turkestanskij kraj v 1866 godu. Putevye zametki [Turkestan krai in 1866. Travelling notes]. SPb: Tip. Teblena, 176 p. [in Russian]

[Suvorova, Kadikov, 2015](#) – Suvorova, N.G., Kadikov, E.R. (2015). Kolonizatsionnye teksty imperskikh ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Colonisation texts of imperial experts (second half of the XIX – early XX centuries)]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 4(8): 174-193. [in Russian]

[Tatishchev, 2001](#) – Tatishchev, A.A. (2001). Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906-1921) [Lands and People. In the thick of the resettlement movement (1906–1921)]. Moskva: Russkij put', 376 p. [in Russian]

[Tokmurzayev et al., 2022](#) – Tokmurzayev, B.S., Yelshibayev, S.K., Apasheva, S.N. (2022). The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*. 17(2): 666-676.

[Tol'ts, 2013](#) – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij period ["Russia's Own East": identity politics and orientalism in the late imperial period]. Moskva, 336 p. [in Russian]

[Voshchinin, 1914](#) – Voshchinin, V.P. (1914). Ocherki novogo Turkestana [Sketches of new Turkestan]. SPb: Tip. t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Ташкент в имперском проекте российской колонизации Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX в.: дискурс и практики

Садокат Максудовна Маткаримова^{a,*}, Саодат Тиловбердиевна Давлатова^{b,c},
Нафосат Хурматбек кизи Ботирова^d, Гуларам Камиловна Машарипова^e

^a Университет Мамуна, Хива, Республика Узбекистан

^b Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Министерстве культуры Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

^c Научно-исследовательский институт культурологии и нематериального культурного наследия при Министерстве культуры Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

^d Ургенчский государственный университет им. Абу Райхана Беруни, Ургенч, Республика Узбекистан

^e Alfraganus university, Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье на материалах записок, очерков, заметок и воспоминаний российских чиновников, публицистов, писателей, общественно-политических деятелей, объединённых «рамкой» имперские эксперты, раскрывается содержание дискурса представлений о г. Ташкенте как форпосте российской колонизации Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX в. Обращение к методу дискурс-анализа позволило выявить ключевые паттерны в представлениях экспертов о презентации г. Ташкента, определивших модели внутренней колонизации восточных окраин империи. В процессе исследования установлено, что конструирование образа г. Ташкента как имперского центра Туркестанского края предполагало фиксацию в личных текстах имперских экспертов особого военного и административно-управленческого статуса города, что находило

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sadokatmatkarimova@yandex.ru (С.М. Маткаримова),
saodatdavlatova@gmail.com (С.Т. Давлатова), nafosatbotirova90@gmail.com (Н.Х. Ботирова),
masharipovagularam2006@gmail.com (Г.К. Машарипова)

выражение в массированном «оккупационном» нарративе, преобладающем на страницах опубликованных материалов. В публикациях второй половины XIX ст. отчётливо прослеживалась интонация милитарного присутствия и доминирования империи в регионе, а г. Ташкент маркировался как военный объект России с преобладанием военного населения над штатским, что обеспечивало относительно комфортные условия для администрирования и трансляции имперской власти как преобразующей и окультуривающей силы. В начале XX в. в содержании дискурса г. Ташкента и осмыслении практических планов империи в Центральной Азии произошли значительные изменения, что, по мнению экспертов, было обусловлено окончательным «умиротворением» окраины и вызвало к жизни культуртрегерские инициативы русификаторского характера, а вместе с ними и продвижение идеи российских национал-консерваторов о необходимости продвижения такого варианта освоения и «присвоения» востока, в котором будут постепенно стираться культурные различия и образуется «большая русская нация». В этой связи г. Ташкент представлялся имперским экспертам как «площадка» переработки с учётом местных условий и трансляции российской культуры средствами образования и распространения отечественного опыта земледельческого хозяйства, призванного седентаризировать кочевников и утвердить в оседлости остальные группы автохтонного населения.

Ключевые слова: Туркестанский край, Ташкент, имперский проект колонизации, дискурс, практики, имперские эксперты, внутренняя колонизация.